

24. Словарь литературоведческих терминов. Ред. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – С. 155.
25. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 238.
26. Науман, Манфред. Литературное произведение и история литературы. – М.: Радуга, 1984. – С. 198.
27. Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л.: Просвещение, 1980. – 416 с.
28. Бахтин М.М. Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве// Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 24.
Бахтин М.М. Ук. соч. – С. 35–36.
29. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. – М.: Сов. Россия, 1979. – 318 с.
30. Хализев В.Е. Ук. соч. – С. 291.

Иванова Н.П.

ПЕЙЗАЖИ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА» КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОКОВ РЕАЛИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

А.С. ПУШКИНА

In the article are examining the sources of realism in Pushkin's artistic system. As an example are using descriptions of Caucasus in the "Journey to Arzrum during campaign in 1829". Method of contrast is researching as a fundamental method of creation of expressiveness.

Проблема творческого метода на протяжении последних десятилетий является одной из основополагающих проблем литературоведения. Применительно к пушкинскому творчеству пик исследований такого рода пришелся на 60 – 80-е годы XX века, когда издавались работы Г.А. Гуковского «Пушкин и русские романтики» (1965 г.), А.М. Гуревича «Лирика Пушкина в ее отношении к романтизму» (1971 г.), Г.П. Макогоненко «От Фонвизина до Пушкина. Из истории русского реализма» (1969 г.), Б.С. Мейлаха «Творчество А.С. Пушкина. Развитие художественной системы» (1984 г.). В этих работах вопрос о чертах романтизма и реализма в творчестве поэта исследователи решали в основном исходя из проблематики, идейного содержания и рассмотрения системы образов пушкинских произведений. Эти же исследователи указывали на важность обращения к поэтике в ходе анализа эволюции художественной системы писателя или поэта. Поэтику и стиль пушкинских произведений изучали В.В. Виноградов («Из истории стилей русского исторического романа (Пушкин и Гоголь)», 1958 г.; «О художественной речи Пушкина», 1967 г.), Б.М. Эйхенбаум («Проблемы поэтики Пушкина», «Путь Пушкина к прозе», 1969 г.), но они не проводили отдельных исследований, посвященных пейзажу как одному из важнейших элементов поэтики литературного произведения. Между тем, «пейзаж, портрет, движение чувства – наиболее подходящие для морфологического описания категории, в них виднее неотъемлемые и специфические черты каждого поэта» [1, с.214]. Этот вывод Б.А. Грифцов сделал в 1924 году, как раз в то время, когда в Харькове существовала занимающаяся исследованием вопросов поэтики литературоведческая школа А.И.Белецкого (широко известна его работа «В мастерской художника слова» (1927 г.), в которой есть специальная глава «Изображение живой и мертвой природы»), а в Ленинграде вышла работа В.М.Жирмунского «Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы», посвященная вопросам сравнительной поэтики. Но позже форма была принесена в жертву содержанию, и идеи этих исследователей не получили дальнейшего развития. В 90-е годы, когда в филологии особую актуальность приобрели такие категории, как ментальность и когнитивность, не только в российском, но и в украинском литературоведении наметился новый всплеск интереса к пейзажу, ведь именно этот элемент поэтики позволяет анализировать литературное произведение как составную часть художественной системы автора. Об этом свидетельствуют работы Д.С.Лихачева «Диалог в природе как признак жизни и одухотворения в литературе» (1997 г.), Э.М. Афанасьевой «Поэтика пейзажа в русской молитвенной лирике» (1999 г.), О.В. Васильевой «О художественном пространстве и времени» (1993 г.), А.П. Грачева «Пейзаж как явление интертекста» (1999 г.), Н.Д. Ивановой «Содержание и принципы филологического изучения пейзажа» (1994 г.), Н. Копистянской «Аспекты функціонування простору, просторової деталі в художньому тексті» (1997 г.). Вопрос же об отражении в пушкинских картинах природы эволюции художественной системы автора по-прежнему остается открытым. Одним из важнейших этапов такой эволюции, как утверждает Б.М.Эйхенбаум, является переход от поэзии к прозе, а следовательно, «можно с уверенностью утверждать, что проза Пушкина явилась как переход от стиха и что поэтому она должна отличаться особыми признаками, которые... резко отделяют ее от специфических свойств стихотворной речи» [2, с. 40]. Таким образом, задачей статьи является анализ тех «особых признаков» пейзажей «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года», которые позволяют пронаблюдать за истоками появления черт реализма в пушкинском творчестве. Задачи статьи: 1) сопоставление восприятия Кавказа Пушкиным в 1820 и 1829 годах; 2) анализ деталей пейзажных зарисовок, позволяющих проследить эволюцию восприятия Кавказа как следствие эволюции мировоззрения А.С. Пушкина.

Исследователи пушкинской поэтики анализируют на примере кавказских пейзажей путь поэта от романтизма к реализму, относя к романтическим картины природы поэмы «Кавказский пленник» (1820–1821 гг.), а к реалистическим – пейзажи «Путешествия в Арзрум» (1830–1835 гг.). Безусловно, за 15 лет,

гг.), а к реалистическим – пейзажи «Путешествия в Арзрум» (1830–1835 гг.). Безусловно, за 15 лет, прошедших с начала работы над первой из южных поэм до завершения «Путешествия», произошла эволюция художественной системы А.С. Пушкина. Это сознавал и сам поэт, так как в «Путешествии...» он писал: «Здесь нашел я измаранный список «Кавказского пленника» и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно» [3, Т.3, с.380]. В качестве основных аргументов реалистичности прозаических описаний Кавказа литературоведы приводят отказ от изображения условно-литературного пейзажа и документальность картин кавказской природы. Так, В.Б.Шкловский называл «Путешествие в Арзрум» «книгой, как будто бы написанной вне всякой литературной условности» [3, Т.2, с.21] и считал сам выбор прозаической формы описания Кавказа свидетельством стремления поэта преодолеть традиционно романтическое восприятие этого края. А так как сам Пушкин утверждал, что «точность и краткость – вот первые достоинства прозы» [4, с.28], то «в его прозаических произведениях описания природы встречаются редко и отличаются большой сжатостью, он словно избегает их, даже тогда, когда они сами собою просятся под перо» [5, с.295]. По утверждению К.К.Арсеньева, «сдержанность, скромность таких эскизов соответствует общему тону пушкинской прозы, точно протестующей, своею величавою простотою, против изысканности и манерности тогдашних модных беллетристов» [5, с.296].

Однако документальность и сдержанность описаний отнюдь не являются свидетельством отсутствия их экспрессивности. Б.С.Мейлах совершенно справедливо говорил о том, что «чертой новаторства Пушкина было открытие такого способа изображения жизни, когда все явления, каждая деталь проникнуты могучей энергией оценки, энергией притяжения или отрицания, отчетливо выраженного субъективного (но не субъективистского) отношения автора» [6, с.134]. Видимо, в данном случае следует говорить об ином способе создания экспрессивности. Оценка происходящего содержится, как правило, не в прямом описании чувств по поводу увиденного и не в комментариях, сопровождающих изображение окружающего мира, а в отборе деталей и их композиции. Очевидно, для понимания мотивов и принципов такого отбора необходимо сначала выявить мотивы самой поездки Пушкина на Кавказ в 1829 году.

Как известно, впервые поэт увидел Кавказ и Крым во время Южной ссылки в 1820 году, когда приехал туда вместе с семьей Раевских. «В письме брату от 24 сентября 1820 года Пушкин так описал это знаменательное для него путешествие: «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми; жалею, что не восходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной... Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался – счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение – горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда увидеть опять полуденный берег...» [7; с.59]. Заметим, что впечатления от поездки по Кавказу и Крыму обобщены самим поэтом. Видимо, с годами отношение поэта к этому «прелестному краю» не изменилось, потому что в период другой – Михайловской – ссылки в 1825 году, вспоминая своих друзей в очередную лицейскую годовщину и обращаясь к В.К.Кюхельбекеру в стихотворении «19 октября», Пушкин писал:

Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви [3, т.1, с.356].

Таким образом, романтическое восприятие этого края сохраняется, коль скоро Кавказ упоминается рядом с именем Шиллера и такими традиционно романтическими ценностными ориентирами, как буря, слава, любовь. И, видимо, именно это восприятие заставляет поэта в наполненном «трагическими противоречиями» 1829 году без разрешения свыше, «сломя голову», как пишет Ю.М.Лотман, ехать на Кавказ. Сам Пушкин так объяснил эту свою поездку:

Желал я душу освежить,
Бывалой жизнью пожить
В забвеньи сладком близ друзей
Минувшей юности моей.

Я ехал в дальные края;
Не ..... жаждал я;
Искал не злата, не честей
В пыли среди копий и мечей [3, т.1, с.510].

Что искал? Видимо, ту самую «свободную, беспечную жизнь; жизнь, которую так любил и которой никогда не наслаждался». Воспринимая Кавказ как мир, живущий по иным законам, («...душевных наших мук / Не стоит мир; оставим заблужденья!») – призывал Пушкин Кюхельбекера перед упоминанием о Кавказе), желая вернуться в мировосприятие 1820 года, по воспоминаниям декабриста А.С. Гангеблова, «во время пребывания в отряде... избегал новых встреч и сходил только с прежними своими знакомыми, при посторонних же всегда был молчалив и казался задумчивым» [7, с.156].

Итак, мы понимаем, почему Пушкин поехал на Кавказ в 1829 году. Но теперь другой, не менее важ-

ный, вопрос: нашел ли он то, что искал? Откуда эта молчаливость и задумчивость? Пейзажи «Путешествия в Арзрум» свидетельствуют, как представляется, о справедливости одного неутешительного вывода, сделанного, правда, уже в XX веке: «По несчастью или счастью, истина проста: никогда не возвращайся в старые места». И в этом смысле пушкинская документальность наполнена экспрессивностью, которую, пользуясь термином Р.О.Якобсона, можно назвать экспрессивностью «обманутого ожидания», но по отношению к самому автору, а не к читателю.

Еще при подъезде к Кавказу Пушкин хотел убедиться в том, что все осталось по-прежнему: «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мои взоры ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это – снежные вершины Кавказской цепи» [3, т.3, с.376]. Да, кавказские горы на прежнем месте, но и только. Уже в Горячих водах поэт «нашел большую перемену», и это заставляет его начать сравнивать Кавказ 1829 года с Кавказом 1820 года, уже в самом начале «Путешествия...» сказав о 1829 годе «в мое время». Он ждал, что вернется в то, свое, время, когда «черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки» [3, т.3, с.376]. Но теперь все иначе: «Бульвар, обсаженный липками, проведен по склону Машука. Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны» [3, т.3, с.376]. Чистенькие дорожки, липки, лавочки, мостики – как несвойственны пушкинским картинам природы эти уменьшительно-ласкательные суффиксы, поэтому и звучат они с какой-то грустной иронией разочарованного в своих романтических ожиданиях человека. Но это далеко не все. Если раньше «источники, большую часть в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям», то сейчас «ключи обделаны, выложены камнем». Былая вольность скована, и вот главное доказательство этого: «на стенах ванн прибиты предписания от полиции». Это даже по-своему комично, и поэтому с явной иронией звучит итог этого описания: «езде порядок, чистота, красивость» [3, т.3, с.376]. А далее следует признание Пушкина, подтверждающее и усиливающее подтекст пейзажа: «Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск» [3, Т.3, с.376]. Время свободно текущих ключей и неогороженных пропастей прошло, и окружающие Бешту горы воспринимаются путником как его вассалы.

Однако изменился не только окружающий мир, но и люди. Пушкин описывает крепости «со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в старину не разбегаясь» [3, т.3, с.376]. И это неизбежное для каждого человека невеселое наблюдение сопровождается описание старых крепостей «с заржавыми пушками, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей. В крепостях несколько лачужек, где с трудом можно достать яиц и кислого молока» [3, т.3, с.377]. Таким образом, в восприятии Пушкина увеличивается дистанция между «его временем» и нынешним посещением Кавказа: теперь 1820 год назван уже стариной, а ведь прошло не так уж много времени – 9 лет. Видимо, изменения, произошедшие с окружающим миром и людьми, заставляют чувствовать этот временной разрыв как весьма значительный.

Итак, можно сделать вывод о том, что основным средством создания экспрессивности пейзажей «Путешествия в Арзрум» является контраст. И следующее тому подтверждение – описание крепости Минарет – «первого замечательного места» на Военно-Грузинской дороге: «Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ...» [3, т.3, с.377]. Вот такая «прелестная» долина на фоне сияющих белизной Кавказских гор. Казалось бы, вот она, излюбленная романтиками идея о вечности природы и бренности всего земного. К примеру, в этом же 1829 году в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» Пушкин писал:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять [3, т.1, с.456].

Но в «Путешествии в Арзрум», написанном, кстати, по материалам впечатлений уже после 1829 года, даже сам мир природы, увы, невечен. И мы не только встречаем «следы разоренного аула» и видим, что «легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения». Этот минарет возвышается «на берегу иссохшего потока» [3, т.3, с.378]. «Бывший некогда главным в Большой Кабарде аул» Татартуб неуклонно движется по пути умирания: с одной стороны, «внутренняя лестница *еще не* обрушилась», с другой – с площадки минарета «уже не раздастся голос муллы».

Вспомним об ассоциировании Кавказа со славой в 1825 году. Теперь Пушкин пишет, что на развалинах минарета нашел «несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах *славянолюбивыми* путешественниками» [3, т.3, с.378]. Здесь вновь грусть и ирония: видимо, *в его время* славу понимали несколько иначе.

Вероятно, феномен «обманутого ожидания» привел к тому, что Пушкин видит Кавказ уже под другим углом зрения: он склонен предполагать худшее. К примеру, видя в горах пастуха на расстоянии, когда «чуть видные стада кажутся насекомыми», он предполагает в нем «быть может, русского, некогда взятого в плен и состарившегося в неволе» [3, т.3, с.378]. И Терек воспринимается как лишенное свободы, бьющееся, стремящееся вырваться на волю существо: «Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны

через утесы, преграждающие ему путь». «Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростию неизъяснимой» [3, т.3, с.380]. «Мрачной прелестью природы» называет поэт эту картину. Он уже не склонен видеть в Кавказе «пристанище романтического духа». Напротив, теперь он опровергает и рассеивает романтические легенды, связанные с географическими названиями Кавказа, и делает это достаточно резко, называя их сказками: «Против Дариала на крутой скале видны развалины крепости. Предание гласит, что в ней скрывалась *какая-то* царица Дария, давшая имя всему ущелию: сказка. Дариал на древнем персидском языке значит ворота. По свидетельству Плиния, Кавказские ворота, ошибочно называемые Каспийскими, находились здесь. Ущелие замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными железом» [3, т.3, с.381]. Окованные железом ворота вместо сказочной царицы. Или еще: «Недалеко от селения Казбек переехали мы через Бешеную балку, овраг, во время сильных дождей превращающийся в яростный поток. Он в это время был совершенно сух и громок одним своим именем» [3, т.3, с.380]. В.В.Виноградов назвал это толкование разрушением «их ложноромантической этимологии».

Но феномен «обманутых ожиданий» накладывает отпечаток не только на нынешнее (1829 года) восприятие Кавказа: «Скоро притупляются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его *безобразные* водопады, уже утесы и пропасти *не привлекали моего внимания*» [3, т.3, с.382]. Происходит гораздо более грустное событие: слишком тяжело разочарование, и Пушкин, возможно, невольно обесценивает и сами впечатления 1820 года, приведшие его на юг: «Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага» [3, т.3, с.382]. А как же «прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение – горы, сады, море»? А как же элегия, написанная ночью на корабле у берегов Гурзуфа? Все это от равнодушия? Видимо, нет, хотя с позиций психологии это очень хорошо объяснимо, ведь таким образом человек хочет разрешить не дающее ему покоя противоречие между желаемым и действительным и не считать ожидания обманутыми.

Таким образом, пушкинские документальность, точность и экономность описаний природы вовсе не исключают их экспрессивности. Это реалистические описания, но их нельзя рассматривать вне контекста жизненного и творческого пути А.С.Пушкина. Кроме того, по наблюдению В.Б.Шкловского, речь идет о новом приеме раскрытия предмета описания – «исследовании предмета посредством чередования его восприятий». И на примере изображения Кавказа в пушкинских произведениях мы видим это особенно ярко: отказ от романтизма не произошел в художественной системе поэта мгновенно и безболезненно, он явился закономерным следствием изменения его мироощущения, и прием контраста, а также описанный феномен «обманутых ожиданий» в изображении Кавказа дают нам возможность убедиться в этом. Этот вывод докзывают также изображения Грузии и Армении, что является материалом дальнейших исследований.

Источники и литература

1. Грифцов Б.А. Пушкинский пейзаж // Грифцов Б.А. Психология писателя. – М., 1988. – С.213–233.
2. Эйхенбаум Б.М. Путь Пушкина к прозе // Эйхенбаум Б.М. О прозе. – Л., 1969.
3. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. – М., 1987.
4. Шкловский В.Б. Повести о прозе. В 2-х томах. – М., 1966.
5. Арсеньев К.К. Пейзаж в современном русском романе // Арсеньев К.К. Критические этюды по русской литературе. – СПб, 1888. – Т. 2. – С. 294–336.
6. Мейлах Б.С. Творчество А.С.Пушкина. Развитие художественной системы. – М., 1984.
7. Логман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. – Л., 1983.
8. Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство. – М, 1941. – Т.43–44. – С.517–629.
9. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. – М., 1983.

Вдовиченко И.И., Любимцева Т.В. ПАВСАНИЙ В КОНЦЕ XX ВЕКА

This article is dedicated to the Pausanias' s "Description of Greece", which has lately become a subject of wide interest.

Сейчас принято определять индекс популярности и научной продуктивности ученого по показателю цитирования – насколько часто его труды используют в своих исследованиях другие ученые, как часто ссылаются коллеги и последователи на его весомое мнение, на новые материалы, которые он ввел в науку. Почетное место в десятке самых цитируемых авторов античности занимает Павсаний. Ни одно сочинение, касающееся античной истории, культуры, литературы и мифологии не обходится без использования сведений, содержащихся в его «Описании Эллады». С эпохи Возрождения сочинение Павсания пользуется большой популярностью среди любителей античности и ученых, причем, последний пик интереса к нему приходится на последние десятилетия XX века. В чем причина такой популярности? Чем интересен наше-